

H. P. ...

Константин Михайлович Станюкович
На другой галс
Серия «Рассказы старого боцмана»

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 28 марта 2003 года
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139325
Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 9: Издательство
«Правда»; Москва; 1977

Содержание

I	4
II	11
III	17

Константин Михайлович Станюкович На другой галс ¹

I

Однажды, когда июльский день в захолустном городке выдался особенно жаркий, Нилыч и я спасались от палящего зноя под густой листвой дикого винограда беседки в фруктовом саду.

Разумеется, Кудластый был с нами. Он спал, всхрапывая тяжело и беспокойно.

Нилыч, возвратившись ранним утром с купанья, нарубил сажень дров и аккуратно сложил их, потом дал обычный урок маленькому Абрамке и, по окончании урока, занялся починкой кое-каких погрешностей своего костюма.

Теперь, после двух рюмок водки, плотного завтрака и недолгого сна в своем сарае, Нилыч с чистою совестью и по праву благодушествовал, покуривая трубку и ловко сплевывая в сад через открытую дверь беседки.

Кругом стояла мертвая тишина. Зной точно исто-

мил людей и животных. Все притихли. Городок будто замер.

Со двора и из дома ни звука.

Не слышно было гнусавого и нежного голоса “уксусной” хозяйки, имевшей обыкновение “скулить”, как выразался Нилыч, упрекая Акцыну и Карпо решительно за все, за что только могла придумать придирчивая скаредность хозяйки.

Она “скулила” и за то, что наймиты не берегут хозяйского добра и не жалеют “бедной слабой женщины”, и за то, что получают жалованье совершенно напрасно.

Не раздавалось протестов Акцыны и иронических ответов Карпо. Не слышно было шуток и перебранок между собой их молодых певучих голосов. Обыкновенно болтливые, они словно набрали в свои рты воды. Не мурлыкал лениво и Карпо. И куда делся он, не могла бы ответить и Акцына, дремавшая в кухне.

Почтенная свиная семья – маменька, папенька и пять боровков – растянулись под забором и – ни хрюка. Не шелохнулась, ни разу не крякнув, стайка уток, забившаяся в траву. Не видать ни гусей, ни индюшек, ни хвастуна павлина. Даже два петуха не вскрикивали как оглашенные, что жарко, и курицы не кудахтали и куда-то попрятались.

Нилыч не раскис от жары и неожиданно и несколько

возбужденно вдруг проговорил, понижая свой громкий голос бывшего боцмана:

– То-то оно и есть, вашескородие! Вовсе чудные загвоздки бывают на свете, ежели подумать... Поди обмозгуй их!

После этих слов Нилыч снова смолк.

Смолк и задумался, подняв глаза на кусочек голубого неба, с которого глядело ослепительно-жгучее солнце, заливавшее блеском замлевшие деревья и рдевшие плоды перед беседкой, словно бы искал в бирюзовой лазури объяснения “загвоздки”, и даже не раскуривал потухшей в его зубах трубочки.

Прошла так минута, другая задумчивого созерцания Нилыча.

Наконец он отодвинулся в тень беседки, сунул трубку в карман своих широких полотняных штанов и, обративши ко мне сморщенное загорелое лицо, раздумчиво произнес:

– Я и говорю: не понять, вашескородие!

– Что не понять, Нилыч?

– Да человека... Жил себе, примерно сказать, все время на одном галце и вдруг круто обернул на другой галц. И раскуси, по какой такой причине? Что у его в душе? В том-то и загвоздка, что быдто из-за смеха... И уж как его ни утихомиривали – и так и этак – ничего не боялся человек, а смеха испугался... И ведь

кто его поднял на смех? Прямо-таки вроде молоко-со-са... И из-за такого зубоскала и – поди ж – переменял весь курц жизни, вашескородие!.. А доложу вам, что был человек не то чтобы в легких годах, а в пожилом возрасте... За пятьдесят перевалило, как он вошел в другое понятие... Почему? В каких смыслах? А он ни гу-гу... На другой, мол, линии – и шабаш! Просто, вашескородие, ошарашил, и никто не обмозгует насчет поворота... Да и как не обалдеть? Небошь вовсе обалдеешь рассудком, ежели, примерно сказать, здешняя укусная барыня да вдруг встанет утром совестливой и не заскулит, что ее, скареду, обкрадывают. Так точно и тогда, вашескородие... Ума помрачение быдто нашло... Смотрим и не доверяем глазам...

– Да вы про кого это, Нилыч?..

– Да про боцмана Шитикова. Три года я с им ходил в дальнюю, на “Вихре”. Добрый конверт был, вашескородие... Так вот этот самый боцман Шитиков... Может, изволили слышать?..

– Нет, не слыхал...

– Все обозленный был человек и уж такой беспардонный по свирепости, что другого такого боцмана я во всю службу не видал, вашескородие... А кажется, видел боцманов! И бил вроде смертного боя, и уж ежели кого пороть прикажут, то Шитиков обязательно сам лупцует линьками и как есть палач... Начнет

и распаляется... И что дальше, то больше... Вовсе в озверение входит... И никакой пощады... И никому...

– С чего он, в самом деле, был такой зверь? – спросил я.

– То-то и я хотел дойти своим понятием до этого самого. Почему, мол, в Шитикове такая озлобленность и на своего же брата – матроса? Не зверь же он в мужиках был... Земляки сказывали, что никакой злобы не оказывал... И когда в матросы поступил, не было в нем характера, который временем объявился...

– Как же вы, Нилыч, объяснили себе зверство боцмана?..

– Самой флотской службой, вашескородие. Из-за страха перед тогдашними начальниками, чтобы не отшлифовывали самого, он и озверел... Отличиться хотел... Так по всему оказывало, ежели вникнешь с рассудком... То-то оно и есть, вашескородие. Такие загвоздки бывают, что и человек вдруг зверем станет по трусости перед боем и линьками... Небось изволили слышать, какая была прежде служба? Тоже хоть и теперь взять, например, укусную... За что она теснит и на деньги зарится?.. Ежели обмозговать, так и она не зря паскудой стала! – не без философского поучения прибавил Нилыч.

И Нилыч примолк.

Так прошло несколько минут. Старик покуривал и

сплевывал и, казалось, не хотел продолжать своих воспоминаний о боцмане Шитикове.

– Да вы что же не продолжаете, Нилыч?.. Только раззадорили началом... Вы расскажите про боцмана, и как смех изменил его... Это что-то удивительно...

– Очень даже удивительно, вашескородие.

– Так что же вы оборвали рассказ?

– После обскажу, как вышла с боцманом загвоздка.

– Отчего не сейчас?

– Неспособно вам слушать...

– Почему? – удивленно спросил я.

– От жары изморились, вашескородие.

– Верно, вам жарко рассказывать, Нилыч.

– Мне! – не без обидчивости воскликнул Нилыч. – Я даже уважаю жару, а не то чтобы Нилыч словно окунь на песке... Жарит старые кости, отогревает от смерти... А вы: “Боится жары”. Меня и на Яв-острове солнце не оконфузило... Небось и здесь не разлимонит, вашескородие, как здешних хохлов... Сама укусная, уж на что как домовая какая, бродит день-деньской и скулит, и эта подлая щука пасть раскрыла и отлеживается... И лукавая девка Акцына и шельма Карпушко не стрекочут. Лодырничают от жары... И жида на улице нет... Быдто все передохли как мухи... И животные попрятались... А я не сержусь... Главная причина: кожа не боится и сух всем телом...

– Так рассказывайте, Нилыч. Я буду внимательно слушать.

– Что ж, коли вгодно, объясню вам про боцмана и матросика.

– Это про зубоскала?

– Про этого самого... Ловко он зубы скалил и умел высмеять боцмана, то-то смешил ребят... А поди ж, и вовсе тихий и щуплый был матросик!

Нилыч сделал последнюю затяжку и продолжал.

II

– Был Шитиков и из себя, можно сказать, злющий. Такой худощавый и не входил в тело, хоть и ел много... Значит, внутри никогда не было замиренья – злость беспокоила... И глаз у его был тяжелый, вроде быдто рыбьего. И рыжий. И больше капитана и старшего офицера на конверте нашем “Вихре” требовал с матроса... Для их и старался, и нудил строгостью команду, и в тоску вгонял. Бил ожесточенно и без пыла, а спокойно. И ни с кем не водился... Ни с кем не разговаривал... Так на конверте и был в одиночестве, вашескородие... Понимал, что ребята вовсе не терпели его и он как какой-нибудь ненавистник всем был... А попал он вскорости после поступления на службу к капитан-арестанту Тузову. Может, слышали, какой вверх был, вашескородие! Во флоте все знали.

– Слышал.

– Ну так у этого самого капитана и была выучка Шитикову, да такая, что там он и озлобился. В госпитале пролежал от боя и порки. Карактерный был. Бросил после того пить без рассудка, когда спускали на берег, и стал стараться, чтобы из матросского положения выбиться и сохранить свою шкуру. Из сил выбивался и по службе и по поведению. С берега воз-

вращался завсегда на своих ногах и ни боцманам, ни унтерцерам ни боже ни непокорное слово, чтобы самому в унтеры выйти. И к этому он вел линию. Мол, лучше других шлифовать, чем с меня будут сдирать шкуру. А на “Нетрони” и капитан Лев Иванович Тузов, и старший офицер Николай Васильич Долгий были под масть. Два сапога пара. Обучали нашего брата по-старинному. Дня не проходило, чтобы на баке не стояло крика и стопа... Я, вашескородие, служил на “Нетрони” и не раз кричал из-за линьков... Не приведи бог. Вы такого, прямо сказать, разбоя на флоте уж не застали. Другая мода насчет боя пошла при вас, вашескородие... Батюшка император, покойный Александр Второй, пожалел: и волю дал, и разбой на флоте отменил... Царство небесное нашему спасителю!

Эти слова Нилыч произнес с умилением и проникновенно. И, обнажив голову, встал со скамьи и истово перекрестился.

– Вскорости произвели Шитикова в унтерцеры – на собачью должность на “Нетрони” – и в первый же раз, как приказали пороть, он, вроде как живодер, отличился... И если капитан или старший офицер желали, чтобы матроса отшлифовать во всей форме и без фальши, чтобы помнил, то беспрерывно приказывали, чтобы Шитиков принимал в линьки... И уж старался, оправдывал доверие начальства. Жарит это с рас-

становкой изо всей силы линьком по матросской спине, и что дальше, то сильнее жарит. Только побледнеет из себя и хучь до смерти забьет, если велено по счету всю плепорцию. И начальство очень даже одобряло Шитикова... А он тем азартнее старался... И матросы так и прозвали его живодером... Молчит... И сам понимает, что начальники на “Нетрони” живодеры и требуют, чтобы унтерцер был живодером, не то ему в кису, да и самого в линьки – звания небось не разбирали... По самой такой причине вовсе Шитиков из-за страха, как обсказывал, и продал свою душу... И бога забыл... А как старший офицер получил бриг под команду, Шитикова взял к себе... Можете понимать, как он нового капитана оправдал... Взвыли матросы!

Нилыч помолчал, откашлялся и продолжал:

– Лет через десять, а то и больше, опять довелось мне служить с Шитиковым на “Вихре”. Уж он старшим боцманом был. Все на своем галце был. И, надо правду сказать, хоть и командир, и старший офицер, и прочие офицеры в строгости требовали службы, однако с ими можно было служить... Жестокости не было, и назначение линьков было не очень обидное... Все больше по двадцати пяти ударов всыпали. Редко когда по ста обескураживали, а свыше – вроде как на смертоубийство – не назначали... И бой был с рассудком... Но Шитиков и бил без рассудка, и так сам отсчитывал

двадцать пять, что как есть палач... И на “Вихре” по-старому и прозывали. Живодер да живодер... Плавали мы так с им около двух лет и терпели живодера... Одна рыжая морда его тоску наводила... И боялись боцмана за его ненависть к матросу... И ничего с им не могли поделаться... Ничего он не боялся...

– А вы разве жаловались на боцмана? – спросил я.

– Это кому же, вашескорodie, по старым временам? – не без иронической нотки задал в свою очередь вопрос Нилыч. – И за что жаловаться?.. Так наказывал боцман не от себя, а по приказанию... А бой был дозволен боцману... Да и нельзя боцману без боя... Только с рассудком и без повреждения личности... В том-то и различка... И я был боцманом, вашескорodie, доводилось – чесал морды, хучь голубь наш Василий Федорыч и запрещал... Однако никаких кляуз не было, и матросы не обижались... А на Шитикова все обижались... Хоть, нечего врать, зря Шитиков не дрался. Обязательно за неисправку какую. Только уж всякое лыко в строку было у его, обозленного, за то, что живодер и нет сил хотения отстать... Ежели ты столько лет живодерничал, то не отстать... И всячески мы пробовали утихомирить его... Ничего не брало...

– А как матросы пробовали утихомирить боцмана?

– Всячески. Два старые матроса усовещивали...

Бога просили вспомнить...

– Что ж боцман?

– Больше отмалчивался... Тогда избили раз на берегу в Риве (Рио-Жанейро). В самом лучшем виде остался... После того недели три отлеживался...

– И вы били, Нилыч?

– А то как же? Очень даже бил. Все присогласились поучить боцмана, и я... Как же выучить такого живодера... И обязательно выучивали, чтобы боцманов...

– А Шитикова?

– То-то я и обсказывал, что ничего его не брало. Отлежался – и опять за свое.

– Что ж, жаловался он на матросов за побои?

– На это подлости в ем не было, вашескородие. И когда старший офицер выспрашивал его, объяснил, что расшибся... И ни на ком не вымещивал... А переносицу-то сломали... Однако не взыскивал за переносицу... Живодер, а, правду сказать, справедливость была в ем... Хорошо. Видим это мы, что выучка впрок не пошла, старые матросы решили, как на Яв-остров, в Батавь (Батавия) придем, снова проучить боцмана на берегу... Однако не пришлось, вашескородие.

– Отчего?

– Не съезжал на берег с командой... Догадался... А отпросился съехать одному... И на берегу один как перст шатался... И вскоре вернулся... Видно, не скус-

но в чужом городе в одиночку скучить... На конверте хоть людей российских видишь... А с им даже баталер и фершал не хороводились. Таким родом терпели мы живодера без малого два года... Приходилось ждать еще год возвращения домой. А тогда Шитикову в чистую отставку. Ему уж предлагал старший офицер в ластовые офицеры. Однако не согласился. По другой части, по своему, мол, званию, простому, найду место! Это он обсказал старшему офицеру. Не полез в офицерское звание... Ума в ем, значит, хватило... Понимал, что ни пава ни ворона будет. Ну, плаваем это мы по морям, заходим в порты, ждем не дождемся, когда пройдет еще год, как загвоздка эта самая и случилась... Пришли это мы в Гонконт, как с клипера "Голубчика", что на рейде с нами стоял рядом, перевели к нам на конверт матросика, по прозванию Зяблик... Вот этот Зяблик и утихомирил живодера... Не иначе как через его Шитиков вдруг повернул на другой галц... Чудеса!.. А я, вашескородие, выкурю трубку и опосля про Зяблика обскажу... Не изморились от жары?.. Подпекает... А по мне вовсе даже хорошо...

Нилыч набил трубку, не спеша выкурил ее и продолжал.

III

– И обскажу я вам, вашескорodie, по своему понятию, что есть люди без всякой утайки и хитрости. Есть, хоть и редки. И как их обозначить, не умею. А только с ими жить лестнее... И – вот поди ж! – встрел ежели такого человека, еще не обознал его, а уж тебе стало веселей, и самый такой человек приворожил. Значит, сразу обозначил открытую свою душу... Вот, мол, она, братцы, смотрите, какая приветливая, безобманная... И я так полагаю, что из этого самого и выходит приверженность к человеку.

– А разве твой Зяблик был такой?

– Такой и был, вашескорodie. И с первого же разу Зяблик полюбился команде... вот этим самым, что какой-то особенный был... Главная причина, что глаз у его... и веселый и ласковый. И был он невысокенький, щупленький, чернявый матросик и такой обходительный, и простой, и ласково так улыбается, быдто радуется жизни и нет у его никакого зла на людей... И как мы увидели Зяблика, словно, мол, его-то самого, веселого матросика, не хватало на “Вихре”... В тот же вечер уж он на баке развеселил команду – услышали, как Зяблик рассказывал... И так это ловко и затейно, так все одно к одному, что на баке заслушались... От-

куда только берется?.. И как представил опосля, как старший офицер на “Голубчике” зудит, а боцман ругается, ребята покатались со смеху... Быдто живые перед нами... и смешные... Но только Зяблик пересмеивал без всякой злобы, вашескородие... Простодушный сам. Да и на “Голубчике” хорошо было служить... Добрые попались начальники... И боцман на “Голубчике” больше пугал словами, а дрался не очень, да и с большим рассудком... Видно, Зяблику от бога было дадено, чтобы умел матросскую тоску разгонять смехом и обнадежить обескураженного флотского человека... А сам вовсе не был обескуражен, хотя у нас на “Вихре” и тиранствовал боцман, и от хорошего житья на “Голубчике” пришлось матросику попробовать наших вроде арестантских рот на конверте...

– А Зяблику попадало? – спросил я.

– То-то попадало, вашескородие.

– За язык?

– Никак нет, вашескородие. Боцман придирки не оказывал за то, что Зяблик мастер был на смешливые слова... Даже сам, случалось, тихо подойдет и прислушивает, когда на ночных вахтах Зяблик сказки сказывал или от себя что-нибудь выдумывал, вроде быдто смешную сказку... Ребята всегда просили Зяблика... И уж так рассказывал, что, бывало, заслушаешься... До самого сердца захватывала какая-ни-

будь чувствительная сказка, вашескородие... А Зяблик всякие знал... И опять же: голос его был такой, что просился в душу... Попадало Зяблику за службу. Он хоть и старался, а по флотской части не входил в понятие... Форменным матросом не вышел... Ну, Шитиков и взывал... Боем донимал за всякую неисправку... И безо всякой поблажки... И Зяблик часто таки то с расшибленным носом, то зубы в крови... И даже боцмана удивлял, вашескородие, Зяблик и даже пронял...

– Чем?

– А тем, что сносил бой покорно, но только безо всякой серьезности... Получит да еще улыбается; зубы в крови, а скалит их. Быдто ему в шутку... и быдто за зверство над боцманом же смеется... Вот это самое и озадачивало Шитикова, – много в ем было амбиции. Бой Зяблик терпит: принял, отошел и улыбается. Ребята, бывало, жалели его, а он... смеется... “Не убьет, говорит, боцман... Злость его, братцы, поддерживает, а то бы вроде скелета стал...” И раз после отчистки боцмана пришел наш Зяблик на бак. Губы подобрал, щеки втянул и стал цедить как Шитиков: “Я, мол, все могу, я, мол, хочу, чтобы меня пужались... И тем живу... А как ежели вы, такие-сякие, не будете бояться за бой, то мне беда... Хучь в лазарет... Ой, ой, ой... Помогите, братцы... Бойтесь меня, что я жи-

водер... Дохтур... пожалуйста! Я бедный... меня матросик обижает. Не боится, а смеется”. И точно боцман как живой... И такой, я вам доложу, смешной... И голос, и походку... все Зяблик перенял... И на баке так и раскатились смехом, – даром что все мы в скуке были, потому штормовали в Тихом океане... Конверт под штормовыми парусами так и валяло во все стороны... И волны так и захлестывали... Обдавало водой здорово... И смутные мысли приходили в голову. А Зяблик всю скуку разогнал... Гогочем... И вот – извольте понять, вашескорodie, – боцман уже не так страшен быдто стал, а над им смеемся... Ишь ведь какой оборот дал Зяблик смехом... И хучь у его здорово подбит глаз, а он смеется и говорит: “Бедного прикормил... а то без меня не было бы, братцы, ему скусной пищи... Бедный и есть!” И опять смеемся... И перекрестили мы живодера в бедного... Услыхал это “бедный”. И не раз слышал, как Зяблик его передразнивал... И матросы, как вспомнят Зяблика, гляючи на боцмана, тоже тишком улыбаются... Дошло и до офицеров... Мичман один видел, как Зяблик представлял боцмана, и очень смеялся... И, видим, еще свирепей стал с виду боцман... Ходит это по баку на вахте и все, верно, входит в понятие насчет смеха Зяблика... И так, вашескорodie, по-прежнему чекрыжит морды... И Зяблику попадало, как свиноватит по службе... Матросика вовсе

во весь бой жарил, видно полагал довести до страха, а матросик, как был, примет бой и улыбнется... И так это раз улыбнулся, вашескородие, прискорбно и вроде быдто с жалостью поглядел на Шитикова, что боцман со всей силы вдарил в грудь Зяблика, и он упал... И грудью заболел... В лазарете лежал... Дохтур, однако, вылечил нашего Зяблика... И обспрашивал насчет причины. Однако Зяблик на боцмана не доложил... Так начальство и не узнало... А Шитиков, видно, рассчитывал, что Зяблик объяснит, – не понимал, значит, боцман человека, вашескородие... И, видно, понял наконец.

Вот в это время и вышла самая загвоздка... Вышел Зяблик из лазарета... Утром снасти уложил не в порядке, как велел боцман, и боцман вместо того чтобы его избить, только обругал... И никого в этот день не избивал... Только еще быдто угрюмистей стал. Мы в ошалении... Чудеса, мол, с живодером... Проходит неделя... Тиранства нет... Когда съездит, но с рассудком... И пороть сам не вызывался... Одно слово: повернул на другой галц, вашескородие! – заключил Нилыч.

И после паузы прибавил:

– То-то оно и есть... Какие загвоздки бывают, вашескородие... Из-за смеха на старости лет боцман вошел в другое понятие... Только очень редки такие за-

гвоздки бывают. Я так полагаю, вашескородие.

Впервые – в журнале “Юный читатель”, 1900. № 24, под общим заглавием: “Рассказы старого боцмана”. Это второй рассказ цикла, объединенного личностью рассказчика, “старого боцмана” Нилыча.